

перегруженности у аудитории возникает мозаичный, клиповый образ окружающей действительности. И создание целостной картины мира из этого избытка информации для отдельного человека невозможно без формирования определенных мифов и стереотипов. Современная мифология создается по двум направлениям: 1) отвергается все, что было предложено либеральной идеологией девяностых годов (в свою очередь, та форма мифологии формировалась на полном отрицании коммунистической идеологии и попытках найти обоснование своих взглядов в прошлом России 19 века),

2) формируется новое понимание истории и современного состояния России с учетом всего многообразного пути, который прошла страна, формулируются основные принципы новой государственной идеологии.

Литература

1. <http://www.patriarchia.ru/db/text/3837990.html>
2. Мальковская И. А. Многоликий Янус открытого общества: опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. — М., 2005.

УДК 304.9, 82-96

DOI: 10.17223/23062096/4/13

Э.Г. Шестакова

Донецк, Украина

ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ — ЦЕННОСТНАЯ ОСНОВА МОДЕРНОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

В статье поднимаются и обосновываются проблемы культуры публичного интеллектуала — специфического явления современного типа общества и государства. Акцентируется, что публичный интеллектуал — феномен, который принципиально невозможно рассматривать и, главное, понимать вне пространства массмедиа, что приводит к выхолащиванию его сущности. Публичный интеллектуал немислим вне журналистской, публицистической деятельности, вне диалога с самыми широкими массами населения, вне активной публичной коммуникации, что и нуждается в исследовании с позиции теории массмедиа.

Ключевые слова: публичный интеллектуал, массмедиа, массовая коммуникация, социальная коммуникация, публичная сфера, современный тип государства, общества.

The article raises and substantiates the issues of the public intellectual culture — a specific phenomenon of the modern society and state. It is emphasized that a public intellectual is the phenomenon, which cannot fundamentally be considered and, which is more important, understood regardless media space, as it leads to the emasculation of its essence. The public intellectual is unthinkable without journalistic, public activity, without the dialogue with broad masses of population, without active public communication, and it requires investigation from the theory of mass media perspective.

Keywords: public intellectual, mass-media, mass communication, social communication, public sphere, modern type of state, society.

ВЫНЕСЕННАЯ В НАЗВАНИЕ СТАТЬИ ПРОБЛЕМА — статус, роль, цели и особенности существования в нашей культуре феномена публичного интеллектуала — на сегодняшний день актуальна по многим причинам. Во-первых, общеполитическим, идеологическим: публичный интеллектуал — это голос многоликой общественности, которая всегда нуждалась в выражении и отстаивании своих позиций в автори-

тетных, узнаваемых личностях-репрезентантах в публичной сфере. Во-вторых, национальным и государственно-национальным: публичный интеллектуал — это голос народного самосознания, которое не может не актуализировать и не идентифицировать себя как единство, устойчивая целостность относительно национального самопознания и самобытности, государственного самоопределения и их интересов. В-третьих, массмедийным: публичный интеллектуал — это голос людей, который изначально существует только в особом пространстве средств массовой коммуникации и который создаёт, питает их смыслами, но одновременно во многом и создаётся ими, определяя этим самым облик и тенденции развития общества.

При всём том, что о сущности, функциях, проблемах культуры публичного интеллектуала, европейского интеллектуализма написано много серьёзных исследований [См., например, из последних 1–10], каждодневная практика жизни современного общества и государства демонстрирует парадоксальную значимость этого явления. Более того, теория журналистики, массмедиа почти не касается проблем культуры публичных интеллектуалов, предпочитая ориентироваться и даже ограничиваться идеями, высказанными и аргументированными философами, культурологами, социологами, политологами. Не отрицая важности уже сделанных открытий, отталкиваясь от них, теории массмедиа необходимо выработать и обосновать собственные позиции, подходы, методы изучения этого сложного явления, порожденного культурой современного общества и государства. Публичный интеллектуал — это феномен, который принципиально невозможно рассматривать и, главное, понимать вне пространства массмедиа.

Если обратиться к общеизвестным именам публичных интеллектуалов (Э. Золя, А. Камю, П. Сартр, Р. Дворкин, А. Сахаров, П. Капица), то тотчас можно увидеть, что все они немыслимы вне журналистской, публицистической деятельности, вне диалога с самыми широкими массами населения, вне активной публичной коммуникации.

Однако этот аспект культуры публичных интеллектуалов наименее исследован с позиции собственно теории массмедиа и нуждается в комплексном, полидисциплинарном подходе. Это, в первую очередь, предполагает анализ корпуса философско-социальной литературы с позиции того, как сами мыслители, которые по большей части и являются публичными интеллектуалами, воспринимают и оценивают свою культуру. При этом акцент необходимо делать на тех работах, жанр которых образует промежуточную территорию (Я. Мукаровичевский) с журналистскими, массмедийными жанрами: эссе, беседа, интервью, декларация, научно-популярная статья, речь, заявление, выступление в СМИ по поводу актуального события, важного социально-политического явления. Это важный аспект бытия не только «высокой» культуры, социально-политической сферы общества и государства, но и пространства массмедиа в силу того, что своими действиями публичные интеллектуалы создают и развивают интеллектуальную, качественную журналистику. Ю. Хабермас в разделе «Структура массовой коммуникации и формирование отрефлектированных общественных мнений» из работы «К разуму публичной сферы» (2007) сделал чёткий вывод: «Коммуникация, опирающаяся на медиа, представляет собой по большей части дискурс, стимулируемый и поддерживаемый элитами. <...> [среди] важнейших акторов — профессиональных работников массмедиа и профессиональных политиков — <...> выделяются дальнейшие типы, где господствуют массмедиа: <...> интеллектуалов, которые в своих профессиях (например, в качестве писателей или ученых) приобрели определенную репутацию и (в отличие от лоббистов или экспертов) добровольно обязываются способствовать всеобщим интересам» (курсив автора — Э. Ш.) [11. С.134]. При этом необходимо учитывать, что представленная Ю. Хабермасом и его коллегой Б. Петерсеном схема является во многом идеальным конструктом, реальное осуществление которого в практике современной социально-культурной жизни намного сложнее и парадоксальнее, в том числе, и с позиции культуры публичных интеллектуалов. Анализ этого аспекта общей проблемы и является целью и основными задачами статьи.

В давней, 1998 г., беседе известного российского философа М. Рыклина и американского философа, культуролога С. Бак-Морс встречается интересная мысль, которая в одинаковой мере заставила встретиться и прийти к согласию этих интеллектуалов, представляющих различные культурно-ментальные традиции. Рассуждая о том, какие процессы происходят в современной культуре и идеологии, какова в этом роль интеллектуалов, общества, массмедийности, оба

философа сходятся на следующем. Состояние умонастроений, социально-политические перспективы, которыми несколько столетий жили модерное общество и государство, находятся в процессе активных трансформаций, которые обнаруживают их глубокий системный кризис, обесценивают интеллектуальную культуру как залог успешности и жизнеспособности. Примечательно, что С. Бак-Морс отвечает «Конечно» на прямой и жесткий вопрос М. Рыклина: «Возможно, интеллектуальное производство поставлено на поток больше, чем любой другой вид производства?» [12. С.193]. Далее М. Рыклин, развивая эту идею кардинальной трансформации интеллектуального начала, роли интеллектуала в современности, приводит показательный пример: «И наибольшие усилия затрачиваются на то, чтобы произвести наиболее современный, привлекательный товар. Конкурентная борьба в этой области является очень жесткой. При этом «взрывы», массмедийный резонанс, который сопровождает появление запланированных «шедевров» современной мысли, длятся очень короткое время, после чего сменяются другими «взрывами». Недавно вышла сенсационная книга Д. Голдхагена «Добровольные пособники Гитлера. Рядовые немцы и Холокост», в которой автор доказывал, что немецкий антисемитизм еще в XIX веке ориентировался на уничтожение евреев, а нацизм всего лишь воплотил в жизнь эту старую грезу и т.д. и т.п. Большинство профессиональных историков с этими тезисами не согласно, но книга рассчитана не на них, а на массмедийный резонанс, на то, чтобы ее страстно опровергали. Профессионалы уже давно не контролируют товарность интеллектуальной продукции; она определяется рыночной конъюнктурой» [12. С.193–194].

В этой идее, которая, казалось бы, касается самых очевидных, болезненных и неизбежных для человека и общества рубежа столетий явлений и проблем, и которая сформулирована с философско-публицистической безжалостностью, обнажились базисные основания существования модерного общества и государства. Своеобразная, противоречивая, порой антагонистическая, но при этом и крайне значимая и неразрывная еще со времён Просвещения взаимосвязь идей, ценностных ориентаций публичного интеллектуала, государства, общества и массмедиа на сегодняшний день почти разрушена. Точнее будет так: эта взаимосвязь существует через когнитивный диссонанс, когда правильные с морально-нравственной, социально-политической точки зрения явления, идеи и понятия живут и реализуются в сфере непрерывных массмедийных «взрывов», резонансов, воплощаясь в социальной реальности в виде радикального извращения (Ж. Бодрийяр). Концептуальные вопросы заключаются в том, кто, почему и как привёл к этому разрушению и что делать в сложившейся ситуации каждому из участников этой социально-культурной трагедии? Смогут ли они и как, в каком направлении развиваться и существовать в условиях тотальной обусловленности культуры массмедийными резонансами? В конце концов, насколько

массмедийные резонансы свободны от государства, капитала в своём появлении и осуществлении, а также насколько и каким образом государство, личность, в том числе и личности публичных интеллектуалов, способны, намерены и желают восстановить прежние или уже установить новые, продуктивные типы взаимоотношений? Это тот круг проблем и вопросов, который обнаруживается, как значимый ценностный фон, не только за репликами в диалоге М. Рыклина и С. Бак-Морс, но и формулируется в размышлениях других европейских интеллектуалов.

Так, Ю. Хабермас в разделе «Дискурс и массовая коммуникация» из уже цитированной работы «К разуму публичной сферы» (2007), фактически эти же проблемы показывает со стороны политической коммуникации и приходит почти к тем же выводам, что и его российский и американский коллеги. Для немецкого интеллектуала важно, что в современных условиях политики, чиновники высшего государственного уровня, общественные деятели «...могут — в зависимости от медиатизации высокопрофессионализированной политики — всё больше настраиваться на популистски-плебисцитное отношение к своим потенциальным избирателям» [11. С.130]. Понятно, что подобного рода явления недопустимы, что они ведут к деструктивным последствиям. Как понятно и то, что идеи, лежащие в основе современного типа социальности, государственности, личности и заставляющие их развиваться во внутренней взаимосвязи, пришли к своеобразному семантическому опустошению. Институт журналистики, шире массмедиа как пространство для свободного выражения мнений, как возможность для осмысленной встречи и диалога индивида, государства и общества всё более превращается в самодовлеющее пространство обитания информации, которое С. Бак-Морс характеризует так: «Это можно назвать перенасыщением рынка». Для М. Рыклина еще важно, что «это также перенасыщение ума» [12. С.196]. И оба они приходят к выводу: «Люди просто не могут все это потребить и ассимилировать» [12. С.196]. И здесь снова с особой актуальностью обнаруживается проблема того, кто способен, может и хочет сугубо добровольно и бескорыстно помочь людям, обществу, государству разобраться в ситуациях, понять их суть и увидеть возможные решения. Таковым является публичный интеллектуал.

Как известно, публичный интеллектуал — это явление, порожденное и легитимированное культурой Просвещения и традициями Французской революции. Его истоки уходят в ситуацию кардинального слома культурных парадигм, смены культурного самосознания, когда наступающая секуляризация почти всех форм общественной и повседневной жизни требовала и создавала адекватные себе социально-культурные репрезентанты. В этом плане представление о публичном интеллектуале соприродно современным понятиям государства, власти, политической нации, гражданства, традиции либерализма, капитализма. Это понятие также родственно по своим основаниям, причинам

возникновения, дальнейшему развитию понятиям массовой коммуникации, публичной сферы, общественного мнения, массмедиа. Первым публичным интеллектуалом принято считать Вольтера, который своей личностью и спецификой деятельности создал тип нового героя современной культуры, а Э. Золя — одним из образцов публичного интеллектуала, использовавшего в «деле Дрейфуса» свою силу, авторитет романиста и возможности прессы для влияния на общественно-политические умонастроения. Публичный интеллектуал появляется и осуществляет своё бытие изначально и неустранимо на стыке, точнее перекрёстке, нескольких активно взаимодействующих пространств жизнедеятельности, для каждого из которых присущ особый тип коммуникаций, ценностных представлений, идейно-смысловых горизонтов ожидания. По мнению У. Дюваля, занимающегося изучением этого феномена во Франции: «Интеллектуал, счастливо сочетающий в себе черты философа, публициста, духовного светоча и политического активиста, — знаковая фигура на сцене современной истории...» [5. С.337]. Причём имеется в виду общеевропейская история Нового и новейшего времени, когда публичный интеллектуал стал знаковой фигурой во всех без исключения национальных государствах и длительное время занимал лидирующее положение, которое классическое культурное сознание определило так: властитель дум.

Ю. Хабермас, анализируя природу, истоки, историю и современное состояние феномена публичного интеллектуала, чётко указывает: «Корни этого эгалитарного самопонимания уходят в Германии к первому поколению после Гёте и Гегеля. Беспокойные литераторы и приват-доценты из кружка «Молодая Германия» и левогегельянцы в такой же степени способствовали созданию образа свободно парящих, спонтанно вмешивающихся, часто сентиментальных, возбужденно-полемичных и непредсказуемых интеллектуалов, как и устойчивых предрассудков против них. Неслучайно поколение Фейербаха, Гейне и Бёрне, Бруно Бауэра, Макса Штинера и Юлиуса Фрёбеля, Маркса, Энгельса и Кьеркегора появилось перед 1848 годом, когда парламентаризм и массовая пресса образовались под крылом раннего либерализма» [11. С.65–66]. Для русской культуры, не менее чем для других национальных культур, тоже начиная с XVIII ст., характерна ориентация на публичного интеллектуала. Примечательно, что известный писатель, публицист А. Кантемир — «полутатарин-полугрек по происхождению, русский по воспитанию и гражданским идеалам, европеец по образованию и убеждениям...» [13. С.227], — будет утверждать: «Пишу по должности гражданина...». Его имя, наряду с именами М. Ломоносова, В. Третьяковского, А. Сумарокова, Г. Державина, А. Радищева, Н. Карамзина, П. Плавильщикова, В. Белинского, А. Добролюбова, Н. Чернышевского, А. Герцена, П. Капицы, Дм. Лихачёва, А. Сахарова, — это свидетельство мощной и самобытной русской национальной культуры публичных интеллектуалов. Равно и украинской национальной культуре присуща целостная и основанная на преемственности

система публичных интеллектуалов, среди которых М. Максимович, Ф. Прокопович, Н. Костомаров, А. Потебня, И. Франко, Леся Украинка, М. Грушевский, Дм. Чижевский, И. Огиенко, Н. Вернадский, Дм. Мечников, Дм. Овсяннико-Куликовский, И. Дзюба, О. Гончар. Публичный интеллектуал или «интеллектуал эпохи модерна» [11. С.66] — убедительный оратор, авторитет в своей стране и для международного сообщества, верит в воспитание, универсалистские ценности и социальные реформы, всегда отдаёт приоритет этической свободе отдельного гражданина общества перед морально-политической свободой гражданина государства, активно и бескорыстно влияет на культурные унаследования. К знаковым публичным интеллектуалам, повлиявшим на социально-культурный и общественно-политический облик XX ст. — начало нового тысячелетия, безусловно, можно отнести А. Камю, Ж.-П. Сартра, Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Фриша, Г. Бёлля, Р. Рорти, Р. Дворкина, Ю. Хабермаса, У. Эко, Ж. Деррида, Дж. Ватимо, Ф. Лаку-Лабарта, М. Фуко, С. Жижека. Публичный интеллектуал всегда реализует себя через диалектику взаимодействия национальной и международной, мировой культур, культур интеллектуальной и политической, когда последняя понимается в широком толковании: как системная деятельность государства, его официальных институтов, общественных организаций и граждан.

Публичный интеллектуал — это своеобразный социально-культурный идеал, который необходим современному типу общества и государства для успешного, стабильного и длительного функционирования. Неслучайно П. Нора, написавший несколько концептуальных исследований об интеллектуалах, объяснил их необычайно сильное влияние на унаследования тем, что в эпоху просвещенческого кризиса веры и христианства, а также отсутствия однородности и упорядоченности в социальной среде, именно публичный интеллектуал является носителем и олицетворением духовной власти. Начиная с XVIII ст. и по сегодняшний день, «именно в пустое пространство, возникшее из-за отсутствия политического и социального консенсуса и руководства, а также из-за упадка религии (метафорической «смерти Бога»), интеллектуал и вступил как пророк, вождь и учитель. Он не просто выступал от имени тех, кто не мог сам говорить за себя; он выступал от имени каждого, перекивая беспорядочный гул мнений, резюмируя, анализируя, морализируя, освещая путь» [5. С.345]. Почти все исследователи феномена публичного интеллектуала, среди которых такие интеллектуалы, как К. Беккер, М. Фуко, У. Дюваль, О. Лавджой, П. Нора, М. Сюриа, Ж. Ревель, Л. Болтански, Р. Дебре, Ю. Хабермас, сходятся на том, что основополагающими характерными чертами, которые присущи ему на протяжении более четырёх столетий, являются следующие. Прежде всего, это общественная активность, принципиальная и неизменная ориентация на политическую нейтральность и свободу, публичное отстаивание «великих универсальных ценностей — справедливости, свободы, прав человека» [5. С. 354]; повышенное чувство долга, обострённое

«моральное чувство, преданность идеалам демократии, и идее защиты личности от несправедливости общества» [5. С.353]. Всё это реализуется на основе высокого профессионализма, приобщенности к подлинной интеллектуальной культуре и авторитета публичного интеллектуала одновременно в своей профессиональной сфере и социальном пространстве.

Однако, как справедливо утверждает Ю. Хабермас, рассуждая о сущности публичного интеллектуала: «Когда интеллектуалы риторически заострёнными аргументами оказывают влияние на формирование общественного мнения, они зависят от способной к резонансу, активной и информированной общественности. Им необходима более или менее либерально настроенная публика, и они должны опираться на сколько-нибудь функционирующее правовое государство, что в споре за подавленные истины или незаконно лишаемые права они апеллируют к универсалистским ценностям. Они принадлежат к миру, где политика не исчерпывается государственной деятельностью; их мир — политическая культура противоречий, в которой коммуникативные свободы граждан могут быть раскованными и мобилизованными» [11. С.66]. Публичный интеллектуал — это своеобразный посредник между обществом, государством и гражданами. Он не должен позволить использовать свои знания, репутацию, гражданскую позицию ни политической системе, ни официальным государственным институтам, ни эмоциональным настроениям масс, ни господствующим корпоративным массмедиа, реализующим цели и задачи информационного капитализма (М. Кастельс). Публичный интеллектуал должен быть вне пропаганды, любых практик манипуляции, по отношению к которым у него должно быть профессиональное чутьё. Публичный интеллектуал принадлежит по праву своей сознательной деятельности к общественной, государственной элите. При этом, как справедливо отметил Ю. Хабермас: «Элиты, причастные к публичной коммуникации, должны, с одной стороны, воспринимать импульсы, исходящие от гражданского общества, и возвращать их в переработанной форме публике..., а с другой — ставить релевантные темы и подходящие начинания на повестку дня государственных институтов, а также наблюдать за самими институционализированными консультативными процессами и процессами принятия решений и комментировать их. Из этого коммуникативного круговорота между центром и периферией должны возникать *отрефлектированные общественные мнения* — как собственные продукты публичной сферы» (курсив автора — Э.Ш.) [11. С.135]. Всё это в полной мере относится и к деятельности публичного интеллектуала.

Таким образом, публичный интеллектуал не является самодостаточным общественным феноменом. Он всегда осуществляется в и через активность системы публичных коммуникаций, массмедиа, общественный и государственно-политический резонанс, образуя своими граждански значимыми поступками пространство встречи разнородных сфер жизнедеятельности, личности, народа, государства, общества.

Казалось бы, что публичный интеллектual — это удачно найденная культурой Нового времени стабильная гарантия репутационного капитала любого государства современного типа, заботящегося о своём имидже и статусе в публичных коммуникациях. Понятно, что являясь совестью, моральным образцом общества, публичный интеллектual зачастую находится в конфронтации с официальной позицией государства или его отдельных институтов. Отношение к публичному интеллектualу со стороны государства и общества — это показатель развития политической, интеллектуальной, морально-духовной культуры, точнее даже так: уровня цивилизованности. При этом понятно, что отношение к публичному интеллектualу может разворачиваться в диапазоне от признания его высокого статуса через попытку замалчивания значимости его деятельности до стремления его нивелирования, уничтожения. Это может идти как от официальных установок государственной политики (СССР и А. Ахматова, И. Бродский, А. Сахаров, А. Синявский), так и от преобладающих массовых настроений, обусловленных ментальными, историко-культурными факторами. Однако в любом случае публичный интеллектual — это своеобразный проявитель внутренних процессов и проблем социальной коммуникации, которые могут, при условии их длительного игнорирования, стать глобальной катастрофой. Одним из таких примеров может служить судьба СССР и последствия его распада.

Деятельность публичного интеллектuala как представителя культуры, изначально направленной на создание настроений публичной сферы, формирование общественного мнения, социального самочувствия (Дм. Овсянко-Куликовский) своей современности, — это индикатор жизнеспособности государства и общества. Можно было бы сделать вывод, что о публичном интеллектuale, порождающей и питающей его среде всё же необходимо заботится и государственным, и общественным институтам, стимулируя его практическую социальную деятельность. Ю. Хабермас, апофатическим образом обосновывая сущность и функции публичного интеллектuala, настаивает: «В конечном итоге от умного журналиста интеллектual должен отличаться не столько формой изложения, сколько привилегией заботится о публичных делах лишь в качестве побочного занятия. Он должен вмешиваться только тогда, но — подобно системе быстрого реагирования — вмешиваться своевременно, когда текущие события выходят из колеи. Тем самым мы затрагиваем единственную способность, которая может отличать интеллектuala даже сегодня, — авангардистское чутье на релевантное. Он должен уметь реагировать на критические процессы уже в тот момент, когда другие воспринимают их как *business as usual*. А это требует совершенно негероических добродетелей... <...> Интеллектual должен уметь реагировать — и все-таки обладать такой политической рассудительностью, чтобы реагировать нечрезмерно» (курсив автора — Э.Ш.) [11. С.68, 69]. Публичный интеллектual, именно как феномен современной культуры и её публичных коммуникаций, — это всегда показатель сильных духовно-интеллектуальных возмож-

ностей государства, его положения на международной арене. Неслучайно, при всей противоречивости, с точки зрения национальной государственной политики, отношение к таким публичным интеллектualам, как А. Барбюс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, Н. Бор, Г. Гейзенберг, А. Ахматова, П. Капица, А. Сахаров, Дм. Лихачёв, М. Мамардашвили, было уважительно-терпимым.

Однако современная практика жизни показывает новые тенденции, связанные с публичным интеллектualом. Это глубокий кризис их культуры, который характерен для всех национальных обществ и государств, принадлежащих «духовному контуру Запада» [14. С. 44–45]. О кризисе, а то и смерти культуры публичных интеллектualов активно заговорили в самом конце XX ст. во Франции, Германии, США, России [См. раздел 4. «Интеллектual как персонаж национальной культуры» 5]. Показательно то, что этот кризис принципиально не связывался с внешними, политическими причинами, скорее, наоборот — исключительно с внутренними проблемами культуры публичных интеллектualов, ощутившей невозможность со-развития и со-осуществления с тем, что собственно с XVIII в. и сделало возможным появление и реализацию публичного интеллектuala. Речь идёт о чрезмерной медиатизации всех сфер жизни, о поглощении массмедиа мнений, настроений, ориентаций, поступков, ценностных установок не только простых людей, но и публичных интеллектualов. Рубеж наших тысячелетий продемонстрировал рождение медиатического интеллектuala или же «застольного стратега» (Ю. Хабермас), которого «...коррумпирует приглашение массмедиа для самоизображения и ради обретения известности» [11. С.67]. Р. Дебре так характеризует этот поколенческий тип публичного интеллектuala, пришедшего после Ж.-П. Сартра, М. Фуко, Ж. Бодрийяра, Ж.-Ф. Лиотара, П. Вирилио, Ж. Деррида: «Это медиатические интеллектualы, постоянно присутствующие в средствах массовой информации. Их имена знают все, но, в отличие от великих предшественников, они абсолютно нелегитимны. Своей известности они обязаны привлекательной наружности и остроумию гораздо больше, чем выдающимся идеям или великим свершениям» [Цит. по 5. С.354]. И далее, более жестко единомышленники Р. Дебре П. Нора и М. Винок определяют: «Медиатический интеллектual — игрушка средств массовой информации, лишенный собственного голоса и собственного лица, — предстаёт как отрицание самой идеи интеллектuala» [Цит. по 5. С.355]. Этот аспект проблемы, который крайне сложно отрицать или же оспаривать, оперируя серьёзными аргументами, проявляется значимый для нашей эпохи парадокс культуры публичных интеллектualов, а вместе с нею и современного государства.

Понятно, что феномен публичного интеллектuala не мог появиться и успешно существовать на протяжении более четырёх столетий без средств массовой информации. Именно они были той средой и тем средством, с помощью которого публичный интеллектual быстро и удачно вписался в публичные коммуникации, сумел влиять на общественное мнение и создавать образ со-

циально важного события или явления. Вполне можно утверждать, что пресса XVIII — первой половины XX ст. — это пресса в своей основе созданная и поддерживаемая публичными интеллектуалами во всех странах, принадлежащих «духовному контуру Запада» (Ю. Хабермас). Ими были активно развиты и сохранены такие жанровые формы интеллектуальной журналистики и публицистики, как социально-политическое эссе, аналитическая проблемная статья, памфлет, философско-социальное интервью, заявление, открытое письмо, анкета, некролог, листовка, брошюра, воззвание, манифест, петиция. Кроме того, публичные интеллектуалы развивают такие жанры устного публичного общения, как спич или речь по поводу (награждения, вручения, юбилея, открытия выставки, мемориала, годовщины события и т.п.), поздравление, беседа с политиками, рассуждение, дискуссия на круглом столе. Эти жанры и жанровые формы одновременно в равной степени присущи медиатекстам и СМИ, и PR-коммуникаций. Они до сих пор активно и целенаправленно используются, например, А. Глюксманом, Ж. Деррида, У. Эко, С. Жижекком, Ю. Хабермасом для влияния на умонастроения публичной сферы. В этом плане понятно, что публичный интеллектуал и массмедиа внутренне взаимосвязаны. СМИ — это возможность для публичного интеллектуала проявить свой голос и осуществить влияние на общественное мнение, постоянно корректируя образ события или явления, побудившего к выступлению. Публичный интеллектуал принципиально невозможен без или вне СМИ. Это одна составляющая парадокса современного бытия культуры публичных интеллектуалов. Вторая его составляющая — это ловушка СМИ, которая, начиная со второй половины XX ст., постепенно подчинила публичного интеллектуала общим законам, нормам и представлениям существования медиатической или массмедийной культуры. Естественное желание максимально использовать возможности массмедиа причинно-следственным образом и привело публичного интеллектуала к состоянию, когда «мысль унизилась до состояния журналистики», как это определил М. Сюриса [5. С.391], т.е. произошла профанация интеллектуальной культуры, морально-духовных идеалов, ценностей из-за необходимости общаться с аудиторией СМИ на адекватном ей языке.

Однако есть и обратная, менее заметная, но принципиально значимая сторона этой проблемы тотальной медиатизации, перенасыщенности рынка и ума информацией, о чём размышляли М. Рыклин и С. Бак-Морс. Её сформулировал Ю. Хабермас — публичный интеллектуал, обладающий многими «негероическими добродетелями», среди которых обострённое чутье социального: «опасливая чувствительность к нарушениям нормативной инфраструктуры общности (Gemeinwesens); тревожного предвосхищения опасности, которые угрожают ментальному оснащению совместной политической жизненной формы...» [11. с.68]. Он, размышляя о судьбе культуры публичных интеллектуалов на рубеже наших тысячелетий, в речи «Ах, Европа», произнесенной им при вручении премии имени Бруно Крайского в Венском

университете (9 марта 2006 г.), отвечает философско-публицистическим вопросом на проблемы интеллектуала и его публичности: «Разве мы не замечаем отсутствие великих выступлений и манифестов «Группы-47», протестов Александра Митчерлиха или Хельмута Голльвитцера, политических позиций Мишеля Фуко, Жака Деррида и Пьера Бурдьё, проникновенных текстов Эриха Фрида или Гюнтера Грасса? И действительно ли от Грасса зависит, если к его голосу сегодня почти не прислушиваются? Или же в нашем медийном обществе вновь происходит структурное изменение общественности, плохо вяжущееся с классическим образом интеллектуала?» [11. С.66].

При этом неизменным оказывается одно. Сознательное, критическое отношение к массмедиа, осмысление и чёткое видение их возможностей, тупиков, ловушек для деятельности публичного интеллектуала является гарантией того, что снижается риск оказаться в разряде медиатических интеллектуалов. Более того, появляется возможность переосмысления сущности и функций массмедиа в новых культурных условиях, также вероятность активной деятельностью переориентировать практику и самих массмедиа, и отношения к ним общества, и государственной политики.

Литература

1. Подорога В.А. Выражение и смысл. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX века. — М.: Ad Marginem, 1995. — 426 с.
2. Фарман И.П. Социально-культурные проекты Юргена Хабермаса. — М.: ИФРАН, 1999. — 416 с.
3. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. — Минск: Экономпресс, 2000 — 206 с.
4. Шарль К. Интеллектуалы во Франции. Вторая половина XIX века. — М.: Новое издательство, 2005. — 328 с.
5. Республика словесность. Франция в мировой интеллектуальной культуре. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — 528 с.
6. Интеллектуалы и политика. Под ред. Р. Дель Агилы (Los intelectuales y la politica. Rafael del Aguila. — Madrid, 2003) — М.: Московская школа политических исследований, 2007. — с. 160 с.
7. Балаян А.А. Роль интеллектуалов в процессе модернизации Франции, Японии и Польши. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. — 30 с.
8. Шувалова М.В. Интеллектуалы и дискурс власти как проблема западной философии второй половины XX — начала XXI века. — Автореф. на соиск. уч. ст. к. филос. н. — Тверь, 2012. — 24 с.
9. Михайлов Дм. Роль интеллектуалов в национальном процессе: подходы и интерпретации. // Федерализм. — 2014. — №4. — С. 61–74.
10. Фирсов Д.Е. Европейский интеллектуализм как социокультурная стратегия. — Автореф. на соиск. уч. ст. доктора культурологии. — Ярославль, 2014. — 34 с.
11. Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. — М.: Издательство «Весь мир», 2012. — 160 с.
12. Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. — М.: Логос, 2002. — 270 с.
13. Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — 814 с.
14. Хабермас Ю. Расколотый Запад. — Москва: Весь мир, 2008. — 192 с.